

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 330.33.012

В. Г. ПОДЛЕСНАЯ,
*доцент, кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник отдела экономической теории
ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины"*
(Киев)

ЦИКЛИЧНОСТЬ В РАЗВЕРТЫВАНИИ И ПРЕОДОЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ *

Рассмотрены главные причины развития современного глобального экономического кризиса на основе циклического подхода к пониманию общественного воспроизводства. Определены условия преодоления глобального кризиса: развертывание очередной волны технологической революции, усиление контроля над движением капитала, более жесткая регламентация финансового рынка и налоговых гаваней, реформирование международных финансовых институтов, развитие региональных экономических объединений.

Ключевые слова: глобальный экономический кризис, социально-экономические противоречия, технологическая революция, неолиберальный мейнстрим, кейнсианство, модернизация экономики.

V. G. PODLESNAYA,
*Assoc. Professor, Cand. of Econ. Sci.,
Senior Sci. Researcher of the Department of Economic Theory,
Institute for Economics and Forecasting of the NASU*
(Kiev)

CYCLICITY IN THE DEVELOPMENT AND THE OVERCOMING OF ECONOMIC CRISES

The main reasons for the development of the contemporary economic crisis are considered on the basis of the cyclic approach to the comprehension of a social reproduction. The following conditions for the overcoming of the global crisis are defined: the formation of a next wave of the technological revolution, enhancement of the control over the capital motion, harder regulation of a financial market and tax havens, reformation of international financial institutions, development of regional economic unions.

Keywords: global economic crisis, socio-economic contradictions, technological revolution, neoliberal mainstream, Keynesianism, economy's modernization.

В статье В.М. Гейца и А.А. Гриценко "Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным)" обсуждается комплекс вопросов, связанных с поиском путей и методов преодоления экономического кризиса. Изложенные авторами антикризисные меры предусматривают модернизацию экономики

Подлесная Василиса Георгиевна (Podlesnaya Vasilisa Georgievna) – e-mail: podlesnw@mail.ru.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начало которой положили академик НАН Украины В.М. Гец и член-корреспондент НАН Украины А.А. Гриценко статьей "Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным)" // Экономика Украины. – 2013. – № 6. – С. 4–19.

(повышение технического уровня в сфере производства материальных благ и услуг, рост отраслей, занимающихся “производством человека”), имеют социальную направленность и способствуют стимулированию внутреннего потребительского спроса, что соответствует кейнсианскому подходу [1]. Однако, чтобы все эти меры эффективно работали, необходимо учесть циклический характер современного кризиса. Начавшийся в 2008 г. глобальный экономический кризис был неожиданным для общества, в котором доминирует неолиберальная идеология, а мейнстрим экономической науки базируется на неоклассической теории, использующей равновесный подход к исследованию экономической динамики. В действительности экономические кризисы происходят с 1825 г. (первый экономический кризис), с устойчивой периодичностью в 7–11 лет, а повышательные тенденции в экономике периодически сменяются понижательными, образуя большие циклы экономической конъюнктуры длительностью 40–60 лет (табл.) [2; 3; 4].

Периодизация длинных волн в экономике и циклических кризисов

Большие циклы	Характер волны	Периоды волн	Экономические кризисы
I	повышательная	с конца 1780-х годов до 1810–1817 гг.	
	понижательная	с 1810–1817 до 1844–1851 гг.	1825 г. – первый циклический кризис 1836–1837 гг. 1847 г.
II	повышательная	с 1844–1855 до 1870–1875 гг.	1857 г. – первый мировой кризис 1866 г.
	понижательная	с 1870–1875 до 1890–1896 гг.	1873 г. – мировой кризис 1882 г. 1890–1893 гг.
III	повышательная	с 1891–1896 до 1914–1920 гг.	1900–1903 гг. 1907 г. 1920 г.
	понижательная	с 1914–1920 гг. до середины 1940-х годов	1929–1933 гг. – мировой кризис 1937–1938 гг.
IV	повышательная	с середины 1940-х до конца 1960-х годов	1948–1949 гг. 1953–1954 гг. 1957–1958 гг. 1960–1961 гг.
	понижательная	с конца 1960-х до начала 1980-х годов	1966–1967 гг. 1974–1975 гг. – мировой кризис 1979–1982 гг.
V	повышательная	с начала 1980-х до начала 2000-х годов	1990–1993 гг. 1994–1995 гг. 1997 г. – азиатский кризис 1998 г. – российский кризис 1999 г. – бразильский кризис
	понижательная	с начала 2000-х годов до конца 2010-х годов	2001–2002 гг. – кризис Интернет-компаний, аргентинский кризис с 2008 г. – мировой экономический кризис

За исключением первого мирового экономического кризиса 1857 г., который был острым, но недлительным, мировые экономические кризисы 1873, 1929–1933 и 1974–1975 гг. были исключительно глубокими и длительными, завершали повышательную фазу длинной волны и открывали ее понижательную фазу. Таков и экономический кризис, развивающийся с 2008 г. Экономические кризисы, разворачивавшиеся в пределах повышательных волн больших циклов Н. Кондратьева со второй половины XX в. (1953–1954, 1960–1961, 1990–1993, 1994–1995, 1997, 1998 и 1999 гг.) были не очень глубокими и не очень длительными. Периодические социально-экономические кризисы – результат обострения эндогенных противоречий в общественном воспроизводстве. Социально-экономические противоречия рыночного хозяйства исключены из поля зрения исследователей, претендующих на востребованность политическим истеблишментом и бизнес-элитой.

Современный глобальный экономический кризис более ярко продемонстрировал противоречие между либеральной экономической теорией, игнорирующей диалектические противоречия общественного воспроизводства, и теориями, исследующими эндогенный механизм цикличности экономики, основываясь на диалектическом методе познания. Актуальным остается преодоление монополии либерального мейнстрима в методологии экономической теории, в образовательной сфере, во влиянии на формирование экономической политики государства и коллективного мировоззрения. Вместе с тем для последователей циклических теорий развития экономики, а также для критиков неолиберальной доктрины этот кризис был вполне прогнозируем. О приближении кризиса предупреждала К. Перес. Идеи, изложенные в ее книге "Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания", изданной до начала современного экономического кризиса и посвященной процессам долгосрочной глобальной социально-экономической динамики, при должном внимании со стороны стран, задающих ритм глобальной экономике, могли бы способствовать предупреждению этого кризиса [5].

Автор книги "Выход из кризиса есть!", обозначившей для нас предмет дискуссии, П. Кругман в другой своей публикации приводит пример того, как в 2005 г., в преддверии глобального кризиса, представители мейнстрима подвергли обструкции альтернативные идеи Р. Раджана (Чикагский университет), обосновавшего в своем докладе, что финансовая система принимает на себя потенциально опасные уровни риска [6]. Научные труды П. Кругмана, за которые он был удостоен Нобелевской премии, не выходили за рамки неоклассической методологии. Однако в них ученый часто апеллирует к теории Дж.М. Кейнса, концентрируя внимание на необходимости осуществления государственной стимулирующей политики, направленной на создание рабочих мест, и критикуя политику экономии бюджетных средств [7].

Признавая практическую значимость кейнсианской теории в преодолении Великой депрессии, необходимо учесть тот факт, что данная теория не формировала видение долгосрочных перспектив рыночного хозяйства и не анализировала внутренние противоречия рынка, приводящие к циклическим кризисам. Поэтому в нашей статье поставлена задача раскрыть влияние цикличности на преодоление внутренних противоречий и диспропорций в общественном воспроизводстве.

Социально-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. в США и быстро распространившийся в глобальных масштабах, стал переломным моментом в развитии пятого большого цикла Н. Кондратьева. Мировая экономика окончательно-

но вошла в понижательную волну большого цикла. По силе разрушительного влияния на экономику кризис 2008–2009 гг. часто сравнивают с Великой депрессией. Однако сравнение показателей, характеризующих глубину падения экономики США в обоих этих случаях, свидетельствует о том, что современный кризис слабее. В 1929–1933 гг. падение промышленного производства в США составило 56%, экспорт сократился на 80%, индекс Доу-Джонса поднялся за 1924–1929 гг. на 300%, а к 1932 г. упал на 89%. В 2009 г. мировой ВВП уменьшился на 0,6%, в том числе в США – на 3,1% и в странах ЕС – на 4,2% [8]. Уровень безработицы в США в период развития Великой депрессии вырос с 3,2% в 1929 г. до 25% в 1933 г. [9], что превышает аналогичный показатель в 2009 г.

В отличие от мирового кризиса 1929–1933 гг., сегодня, помимо западноевропейских стран и США, существуют также иные страны, чьи экономики способны стать точками роста для выхода на повышательную волну большого цикла. Эти экономики обладают сырьевым потенциалом, мощными человеческими ресурсами, научно-техническим потенциалом и способны быстро освоить те передовые технологии, которыми еще не владеют. Процессы финансиализации в этих странах развиваются не так бурно, как в странах с более развитой финансовой инфраструктурой. Речь идет о странах БРИКС. Кроме того, эти страны (за исключением ЮАР) в 2007 г. имели достаточно сильный платежный баланс, чтобы противостоять надвигающемуся глобальному экономическому кризису [10].

Сценарий развития кризиса в 2008–2009 гг. обнаруживает яркие характеристики жюгляровского типа цикличности: бурный, неконтролируемый рост; перегрев экономики, ведущий к повышению цен на ресурсы; финансовые спекуляции; внезапный глубокий обвал экономики, переходящий в длительный период восстановления [4]. В преддверии кризиса 2008 г. значительно возросли цены на мировых сырьевых рынках, и особенно – цены на нефть. Современному кризису предшествовал период неолиберального бума, что, в свою очередь, повлекло за собой нарастание финансовых спекуляций, а кредиты стали доступны для широких слоев населения без надлежащей проверки их платежеспособности.

В 1980-е годы – в начале повышательной волны пятого большого цикла Н. Кондратьева – к власти в США и Великобритании пришли неоконсерваторы, экономическая политика которых базировалась на рекомендациях монетаристов, сторонников теории предложения и теории рациональных ожиданий, ограничивающих роль государства в экономике. Рекомендации представителей новой либеральной волны в экономической теории, оттеснившей кейнсианцев, были направлены на сокращение государственных социальных программ. Либеральный мейнстрим экономической науки не относит проблему необходимости поддержания эффективного спроса к перечню первоочередных задач экономической политики. Либерализация экономического курса ведущих стран с 1980-х годов выразилась также в дерегулировании финансовых рынков и активизации приватизационных процессов. В 1999 г. – на исходе повышательной волны пятого большого цикла Н. Кондратьева, развивавшейся с начала 1980-х годов до начала 2000-х годов, – был отменен закон Гласса – Стигала, что позволило коммерческим банкам увеличить масштабы рискованных операций.

Предпосылки для углубления финансиализации мировой экономики начали формироваться еще в 1970-е годы. Начало пятой технологической революции (1971 г.) совпало с коренными трансформациями в деятельности финансовых институтов, инициированными прекращением действия Бреттон-Вудской системы

фиксированных курсов, сдерживавшей свободное перемещение капиталов. Введение плавающих курсов валют обусловило потребность в хеджировании валютных рисков. С 1972 г. начинается торговля валютными фьючерсами на Чикагской товарной бирже. Параллельно представители Чикагского университета создают теоретическую основу для торговли рисками, что на практике вылилось в создание в 1973 г. Чикагской опционной биржи. Секьюритизация тоже возникла в 1970-е годы [11]. Бурное развитие внебиржевых финансовых инструментов (например, кредитных дефолтных свопов, операции с которыми фактически не регулировались и не учитывались в банковских балансах) являлось и является важным фактором, способствующим разрыву современного социально-экономического кризиса. Объем этих операций, позволявших избежать резервирования, очень быстро рос и к концу 2008 г. превысил мировой ВВП [12]. В 1980 г. финансовая глубина мировой экономики по показателю, характеризующему отношение стоимости глобальных финансовых активов к ВВП, составляла 103%, а в 2008 г. — 292%; показатель финансовой глубины, характеризующий отношение стоимости внебиржевых деривативов к ВВП, вырос с 297% в 2000 г. до 899% в 2008 г. [13].

Особенность современного социально-экономического кризиса заключается в том, что на начальном этапе для его преодоления США выбрали превратную форму кейнсианской бюджетной политики: вместо стимулирования производственной сферы, развития инфраструктурных проектов, осуществления государственных закупок, реализации социальных программ с целью перераспределения части национального дохода в пользу малообеспеченных (то есть слоев населения, наиболее предрасположенных к потреблению) государство стало выкупать "плохие долги". Запущенные в США с конца 2008 г. программы количественного смягчения не способствовали оздоровлению экономики, а лишь приглушали кризисные проявления. Вместо того, чтобы направлять деньги, полученные от федеральных резервных банков в обмен на "плохие" ипотечные ценные бумаги, на кредитование субъектов хозяйствования, коммерческие банки направляют их большую часть на финансовые спекуляции.

Глубинной причиной современного социально-экономического кризиса, как и всех предшествовавших, является перенакопление капитала. Поэтому именно состояние экономики, при котором возникает перенакопленный капитал (то есть капитал, который не приносит среднюю норму прибыли или вообще не может быть применен с прибылью), обуславливает экономический кризис. Особенностью повышательной волны пятого большого цикла Н. Кондратьева стало то, что политика дерегулирования финансового рынка и появление новых информационно-коммуникационных технологий способствовали развитию новых финансовых технологий, способствующих раздуванию финансовых пузырей. Именно в эту сферу устремился перенакопленный капитал, что позволило отсрочить кризис, проявлявшийся уже в 2001–2002 гг.

К. Маркс отмечал, что капиталистическое производство — это лишь средство увеличения авансированной стоимости. "Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают спекулятивную лихорадку, во время которой они стремятся осуществлять делание денег без посредства процесса производства" [14]. Поле деятельности для перенакопленного капитала служат финансовые рынки, где он может прирастать без процесса производства. Даже после глубокого кризиса 2008–2009 гг. этот процесс не приостановился. В 2011 г. объемы торговли финансовыми деривативами более чем в 11 раз превы-

шали мировой ВВП [15]. За последние 30 лет в мире создана финансовая пирамида, для обслуживания которой необходима значительная ликвидность. Центральные банки активно осуществляли эмиссию, особенно в период 2009–2011 гг. Во многих развитых странах денежная масса превысила ВВП. По мнению бывшего президента Германии Х. Келлера, “финансовая отрасль отсоединилась от реальной экономики” [16].

Реальные экономические процессы всегда находят теоретико-идеологическое обоснование. Таковым для современной рыночной экономики стал неолиберальный экономический мейнстрим. Глубокий экономический кризис 1974–1975 гг. обнаружил недостатки кейнсианской экономической теории и способствовал неоклассическому возрождению. Подготовленный в трудах Ф. Хайека и Л. Мизеса идейно-методологический базис позволил либеральным теориям вернуть статус мейнстрима. Л. Боулэнд по результатам исследования статей, опубликованных в “American Economic Review” в 1980 г., пришел к выводу, что все они соответствуют методологии “основного течения” [17].

Разрушение плановой экономики СССР способствовало укреплению либеральной идеологии и распространению ее в глобальных масштабах. Рыночные фундаменталисты превратили лессеферизм в подобие религии. По мнению Дж. Сороса, господство рыночного фундаментализма установилось в начале 1980-х годов, когда более или менее одновременно к власти пришли М. Тэтчер и Р. Рейган. С тех пор он обеспечивает идеологию, которая движет политикой, а вера в безграничные возможности рынка и международная конкуренция за капитал подкрепляют друг друга [18].

Начало интеграции постсоциалистических стран в мировую экономику в 1990-е годы усилило процессы экономической глобализации. Важнейшим направлением экономической глобализации стало формирование общемирового инвестиционного пространства. В 2007 г. прямые частные иностранные капиталовложения достигли 1,8 трлн. дол., а вклад международных потоков капитала в мировое накопление возрос с 4% в 1990 г. до 15% в 2007 г. [19]. Глобализация движения капитала обусловила усиление конкуренции стран за привлечение прямых частных иностранных капиталовложений, оказывающее давление на институт государства и вынуждающее его создавать наиболее благоприятные условия для притока капитала в отечественную экономику. В этой конкуренции выигрывают страны, где контроль над капиталом и источниками его формирования минимальный.

Вследствие финансовой революции, начавшейся после кризиса 1974–1975 гг., институт государства утратил значительную часть полномочий в сфере контроля над банковской системой и фондовыми рынками. Перенакопленный капитал требует комфортных условий для развития все более сложных финансовых инструментов, трудно поддающихся контролю и учету. Конкуренция за капитал способствует раздуванию финансовых пузырей и развитию оффшорных зон. Оффшоризация мировой экономики – один из наиболее деструктивных дисбалансов мировой экономики, что с особой силой проявилось в условиях современного кризиса. Так, в 2008 г. в острой фазе кризиса произошел резкий отток прямых инвестиций из Украины в мировую экономику (рис. 1). Эта динамика не характеризует масштабы оттока капитала в целом, но отражает определенную тенденцию.

При этом на 1 января 2008 г. удельный вес инвестиций из экономики Украины в экономику Кипра составлял 94% в общем объеме прямых инвестиций, направленных из Украины в мировую экономику, а на 1 июля 2013 г. – соответствен-

но, 88,9%. Хотя с момента вступления в ЕС Кипр и не является классической оффшорной зоной, все же в период развития острой фазы современного кризиса он фактически сохранял комфортные условия налогообложения и конфиденциальность функционирования. Удельный вес инвестиций, направленных из Кипра в украинскую экономику, в общей сумме иностранных инвестиций на 1 января 2008 г. составил 20,1%, а на 1 июля 2013 г. – соответственно, 32,4% *.

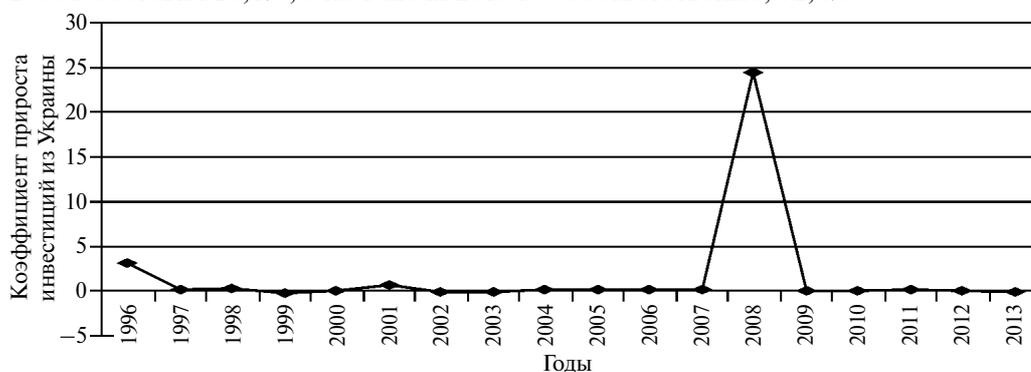

Рис. 1. Прирост прямых инвестиций из Украины в мировую экономику

Построено автором на основе данных: Інвестиції зовнішньоекономічної діяльності : стат. зб. – К. : Державний комітет статистики України, 2008. – 56 с.; Статистична інформація. Державна служба статистики [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

В Украине институциональная среда представлена деградирующим институтом собственности, разрушенным институтом доверия, стагнирующими рыночными институтами. Институциональные трансформации 1990-х годов в Украине привели к созданию имитационной институциональной среды – превратной формы, которая позволяет декларировать соблюдение общепринятых для рыночной экономики прав и свобод всеми участниками экономических отношений, но при этом обеспечивает существование системы неформальных институтов, деструктивно влияющих на экономику. Есть основания считать, что неформальные социальные институты оказывают гораздо большее влияние на важнейшие социально-экономические процессы в Украине (и в том числе – на перераспределение прав собственности).

В общественном сознании частная собственность еще не стала полноценным институтом, а определенная часть общества весьма критично относится к сформировавшимся в 1990-е годы крупным собственникам, что, в свою очередь, мотивирует их к сокрытию доходов и способствует устойчивому оттоку отечественного капитала. Поэтому на протяжении последних 23 лет отечественная экономика не модернизировалась, а вырабатывала старый ресурс. И названные внутрисубъективные институциональные проблемы, и наличие налоговых гаваней, сформировавшихся под влиянием общемировой конкуренции за капитал, способствовали тому, что сегодня экономика Украины функционирует как трансформация малой открытой экономики с сырьевой ориентацией. Наибольший удельный вес в отечественном экспорте приходится на продукцию металлургии: в 2003 г. – 36,83%; в 2004 г. – 39,94%; в 2005 г. – 40,97%; в 2006 г. – 42,8%; в 2007 г. – 42,2%; в 2008 г. – 41,2%; в 2009 г. – 32,3%; в 2010 г. – 33,7%; в 2011 г. – 32,3%; в 2012 г. – 27,5% **.

* Інвестиції зовнішньоекономічної діяльності : стат. зб. – К. : Державний комітет статистики України, 2008. – 56 с.; Статистична інформація. Державна служба статистики [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

** Статистична інформація. Державна служба статистики [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

В условиях повышательной экономической конъюнктуры (особенно в 2003–2004 гг., когда Украина демонстрировала наиболее высокие темпы прироста ВВП – соответственно, 9,4% в год и 12,1% в год) открывались возможности для инвестирования в технологическую и институциональную модернизацию. Однако настолько остро необходимая модернизация осуществлена не была. Немаловажную роль в этом сыграл и фактор политической нестабильности, ведь безболезненный для общества и экономики цикл воспроизводства власти в Украине не сложился. Сопоставляя динамику ВВП Украины (рис. 2) в год, предшествовавший президентским выборам, и в год, следовавший после них, можно сделать такие выводы. Выборам 1994 и 2010 гг. предшествовала понижительная экономическая конъюнктура; выборы 1999 г. происходили в условиях замедления темпов падения ВВП, выборы 2004 г. – в условиях роста экономики; за исключением 2005 г., в первый год после президентских выборов прослеживается оживление экономики.

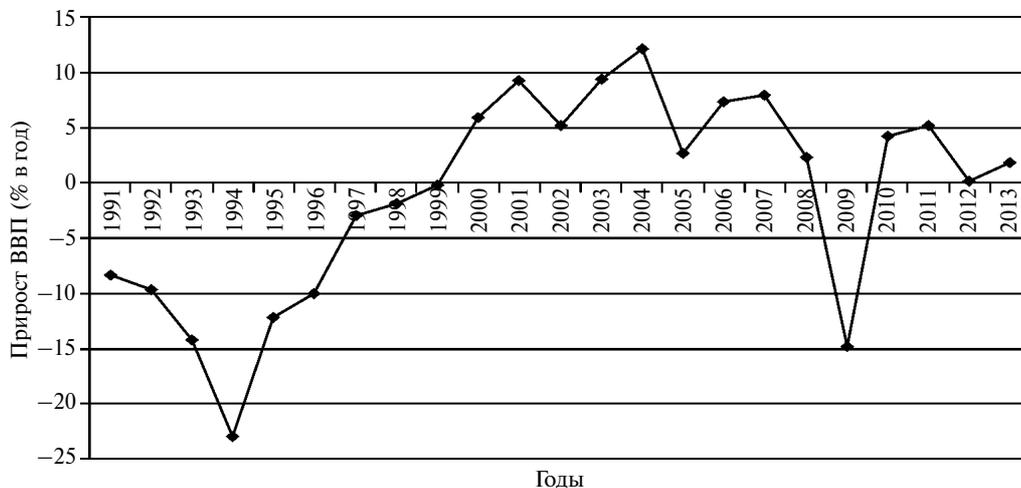

Рис. 2. Динамика ВВП Украины

Построено автором на основе данных: World Development Indicators and Global Development Finance [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>.

С начала 2000-х годов усиливается влияние политических факторов на колебания в отечественной экономике. Ожидания субъектов хозяйствования в преддверии очередных политических трансформаций сказываются на темпах экономического роста. Что же касается политических процессов в Украине, то экономическая конъюнктура является весомым, но не главным фактором развития политического цикла в нашем государстве. Внутренние социальные факторы (в первую очередь, ожидания повышения качества жизни населения, усиливаемые предвыборными обещаниями и не реализуемые в полной мере) оказывают значительно большее влияние на политический цикл в Украине и приводят к периодическим кризисам и внеочередным выборам. Таким образом, как политическая, так и экономическая компоненты сложившейся в Украине социально-экономической системы подвержены циклическим колебаниям. При этом размах колебаний ВВП – результирующего показателя самовоспроизводящейся экономической системы – в Украине весьма глубок: от 12,1% роста в год в 2004 г. до минус 14,8% падения в 2009 г., что свидетельствует о высокой степени зависимости отечественной экономики от мировой экономической конъюнктуры.

Выход глобальной экономики из кризиса возможен в конце 2010-х годов. Этот процесс сопряжен с началом внедрения базисных инноваций, способных запустить механизм развития повышательной волны шестого большого цикла экономической конъюнктуры. В трудах К. Перес внедрение новых технических и организационных способов ведения хозяйственной деятельности предстает как развертывание Большой волны развития – распространение технологической революции и ее парадигмы в экономике. Потенциал каждой новой парадигмы раскрывается в ходе кардинальных изменений в инвестиционном поведении, в организационных моделях и ментальности всех членов социума, в социальных институтах. Происходят изменения в ориентирах для экономического поведения, создающие шансы для новичков [5]. В начале 2000-х годов пятая Большая волна развития как процесс развертывания пятой технологической революции ("эпоха информации и телекоммуникаций") преодолела переломный момент и движется к завершению.

Возможности для бескризисного экономического роста, базирующегося на пятом технологическом укладе в ведущих странах и основывающегося на более низких технологических укладах в странах с формирующимся рынком и в развивающихся странах, уже исчерпаны. В Украине экономический базис формируется деятельностью предприятий третьего и четвертого технологических укладов. Переход развитых стран к новому технологическому укладу открывает определенные перспективы для отстающих стран. Во-первых, такие страны должны подготовиться к использованию наиболее приемлемых (из отработанных в развитых странах) институциональных и технологических практик внедрения новой технико-экономической парадигмы, представляющей собой, по определению К. Перес, модель наилучшей деловой практики [5]. Во-вторых, переход к шестому технологическому укладу не отменяет необходимость развивать отрасли экономики, относящиеся к более низким технологическим укладам, но обеспечивающие витальные потребности человека и общества. К таковым в современном обществе относятся не только потребности физиологического выживания, но и потребность в образовании и коммуникациях (в самом широком смысле этого понятия). Поэтому такие отрасли, как сельское хозяйство, металлургия, машиностроение, электротехническая, авиационная и ракетно-космическая промышленность, энергетика, образование и связь, будут востребованы и в условиях доминирования шестого технологического уклада. Упомянутые отрасли отечественной экономики, при условии их модернизации, могут быть востребованы в процессе формирования воспроизводственной системы шестого технологического уклада.

Важно уловить тот момент, когда ведущие страны мира запустят процесс полномасштабного перехода к новому технологическому укладу, и влиться в этот процесс. По разным оценкам, выход на повышательную волну шестого большого цикла Н. Кондратьева возможен не ранее конца 2010-х годов – начала 2020-х годов. Оставшееся до начала развития повышательной волны время должно быть использовано Украиной для модернизации государства и экономики. При этом важнейшими задачами являются сохранение и дальнейшее развитие научно-технического потенциала (прежде всего, в отраслях третьего, четвертого и пятого технологических укладов, необходимых для обеспечения витальных потребностей и в условиях доминирования шестого технологического уклада); институциональные реформы, направленные на возрождение института доверия в обществе, формирование цивилизованных институциональных практик воспроизводства института государ-

ственной власти; искоренение неформального института коррупции. Указанные институциональные реформы позволят сократить трансакционные издержки в отечественной экономике и трансформировать их в инвестиции.

Таким образом, в начале XXI в., в переломный момент развития пятого большого цикла Н. Кондратьева, в мировой социально-экономической системе сформировались острые социально-экономические противоречия. Прежде всего, речь идет о структурных противоречиях в экономике, детерминированных научно-техническим фактором и требующих разрешения путем перехода к шестому технологическому укладу.

До сих пор экономическая политика ведущих стран мира не обеспечивает переориентирования капитала из сферы финансовых спекуляций в полномасштабное развертывание нового технологического уклада. В глобальной экономической системе многое зависит от текущего спроса США на импорт. Обеспечивая 20% всего мирового производства, США потребляют около 35% его, привлекая массивный импорт дешевых сбережений и товаров из развивающихся стран (прежде всего, из Китая и стран Персидского залива).

Получая взамен инвестиции, технологии и (что самое главное) растущий спрос на свои товары, развивающиеся страны наращивали экспорт, сбережения и государственные расходы, ограничивая при этом внутреннее потребление [19]. В XXI в. вклад развивающихся стран в производство мирового ВВП значительно возрос, однако их роль в регулировании глобальной экономики (прежде всего, глобальных финансов) остается несущественной. Удельный вес Китая в мировом ВВП (по ППС) возрос с 5,2% в 1980 г. до 14,3% в 2011 г., а Индии – с 4,2% в 1950 г. до 5,7% в 2011 г. В 2011 г. ВВП Бразилии составил 2,9% мирового ВВП. Хотя удельный вес США в мировом ВВП (по ППС) снизился с 21,1% в 1980 г. до 19,1% в 2011 г., все же доллар как резервная валюта продолжает играть ведущую роль в мировой валютно-финансовой системе [15].

Ситуация в Украине еще более проблематична. В период экономического подъема начала 2000-х годов прибыли, полученные от экспорта сырья, не инвестировались в модернизацию отечественной экономики, а конечный потребительский спрос в значительной степени был ориентирован на импорт (в том числе за счет потребительского кредитования). При этом экспортировалась продукция низких переделов, приносящая более низкую норму прибыли, а импортировалась продукция высоких переделов.

В сфере регулирования финансовых отношений также сложились глубокие противоречия и диспропорции. В 2008 г. для анализа причин мирового кризиса при ООН была создана специальная комиссия под руководством Нобелевского лауреата Дж. Стиглица. Центральное место среди рекомендаций по совершенствованию порядка и правил регулирования в глобальной экономике заняли предложения по реформированию международной валютно-финансовой системы. В их число вошли укрепление системы банковского регулирования; формирование эффективных международных механизмов координации национальной макроэкономической политики; реформирование международных финансовых учреждений; формирование нового механизма урегулирования суверенных долговых кризисов; создание глобальной резервной системы; усиление роли новой свободно используемой валюты типа SDR [15]. Совершенствование банковского регулирования и надзора нашло практическое воплощение в принятии Базеля III. Остальные же из

намеченных пунктов реформирования международной валютно-финансовой системы не получили надлежащего развития после того, как была преодолена первая острая фаза глобального кризиса. МВФ — как наиболее активный наднациональный финансовый институт — до 2010 г. не учитывал изменения роли отдельных стран в системе глобальной экономики. Согласно 14-му пересмотру квот, Китай признан третьим по размеру квоты государством — членом МВФ, а четыре страны (Бразилия, Индия, Китай и Россия) отнесены к 10 его крупнейшим акционерам. Однако в 2014 г. пересмотр квот окончательно не ратифицирован.

Без усиления контроля над движением капитала и более жесткой регламентации финансового рынка мировую экономику будут потрясать трудно прогнозируемые и глубокие финансовые кризисы, спровоцированные блужданием перенасыщенного капитала и его авансированием в формирование очередного финансового пузыря. Объектом регулирования и контроля должны стать, прежде всего, налоговые гавани и мировые финансовые центры. На финансовых рынках обращается фиктивная стоимость, не воплощающая в себе затрат общественно необходимого времени воспроизводства благ. Такие деньги не являются товаром и представляют фиктивную стоимость в обращении, искажая тем самым реализацию одного из важнейших экономических законов — закона стоимости.

Накачивание экономики ликвидностью во время экономических кризисов не должно оставаться без внимания международных финансовых институтов. Необходимо разработать четкие рекомендации по монетарной политике государства во всех странах, образующих эти финансовые институты. Решения по таким ключевым вопросам, как объемы эмиссии, способы введения денег в экономику, механизмы, направляющие деньги на поддержание эффективного спроса в экономике, инструменты контроля над эмиссионными и инвестиционными процессами, должны приниматься коллегиально.

Если следовать логике развития больших циклов экономической конъюнктуры, то современный глобальный кризис — это поворотная точка перехода от повышательной волны пятого большого цикла к его понижательной волне, а выход на повышательную волну неизбежен, если не произойдут какие-либо пертурбационные процессы природного или социального характера. В силу того, что в глобализованном мире социально-экономические процессы значительно ускоряются, а социально-экономические циклы, соответственно, сжимаются во времени, как уже отмечалось, выход на повышательную волну возможен в конце 2010-х годов. Вопрос заключается в том, насколько нравственным является упование на циклически самовосстанавливающуюся рыночную систему. Трудно оспорить тот факт, что кейнсианская политика (и в первую очередь, ее бюджетно-финансовая составляющая) обеспечила выход США из Великой депрессии. С конца 1940-х годов и до 1974–1975 гг. мировая рыночная экономика не переживала глубоких социально-экономических кризисов. Помимо просчетов, допущенных в экономической политике, важную роль в развитии кризиса 1974–1975 гг. сыграл резкий скачок цен на нефть, имевший не только экономическую, но и политическую подоплеку (арабско-израильская война и нефтяное эмбарго). Но в итоге вся вина за скатывание в глубокий экономический кризис была возложена на кейнсианцев.

Дерегулирование финансовых рынков способствовало периодическому с начала 1980-х годов раздуванию финансовых пузырей и формированию гигантской фиктивной стоимости, довлеющей над реальным сектором экономики: даже на

формирование цены на базовые сырьевые товары финансовый рынок подчас оказывает большее влияние, чем потребности реального сектора экономики. Поэтому важнейшими задачами являются ужесточение регулирования финансового рынка, создание наднациональных институтов глобального регулирования финансовых агентов, повышение “прозрачности” налоговых гаваней. Признавая необходимость наднационального регулирования глобальной экономики, считаем, что оно создаст условия для концентрации экономической и, соответственно, политической власти у ведущих стран мира, поэтому ей должны создаваться противовесы в виде региональных экономических объединений разной глубины интеграции.

Выход отечественной экономики из кризисного состояния возможен как реализация мобилизационного сценария модернизации экономики в частности и общества в целом. Однако возможности экономической и институциональной модернизации в Украине ограничены оттоком отечественного капитала за рубеж. Это обусловлено, в первую очередь, инверсионным характером развития отношений собственности, настолько болезненных для современного украинского общества, что кардинальные меры по их упорядочению (реприватизация, национализация) могут привести к дальнейшему расшатыванию квазиинституциональной инфраструктуры, сложившейся в Украине. Наиболее приемлемым выходом из существующей ситуации могло бы стать применение подхода “институты, конкуренция и правительство”, реализованного в ходе реформ китайской экономики. Согласно данному подходу, именно институт государства оказывает наибольшее влияние на экономику, создавая соответствующую институциональную среду для развития предпринимательской деятельности [20].

При этом необходимо сосредоточиться на решении одной из важнейших проблем, порожденных либеральными реформами 1990-х годов, – теневой экономики. На первоначальном этапе выведения экономики из тени необходимо амнистировать сокрытые от налогообложения доходы. Подобная практика существует в США, странах ЕС, странах постсоветского пространства. Налоговая амнистия воспринимается неоднозначно и не всегда приносит ожидаемые результаты, однако, с нашей точки зрения, является одним из наиболее приемлемых инструментов легализации деятельности тех предпринимателей, которые ушли в тень в силу объективных неблагоприятных обстоятельств, а не целенаправленно. В то же время следует принять отдельный закон о налоговой амнистии, учитывающий нормы уголовного кодекса и гарантирующий неконфискационный характер и одноразовость амнистии, а также усиление ответственности в случае дальнейшего сокрытия доходов от налогообложения. Выведенные из тени финансовые ресурсы государство сможет аккумулировать для инвестиций в национальные модернизационные проекты, что соответствует логике кейнсианских методов антикризисной экономической политики.

Рыночная экономика развивается циклично, поэтому необходимо выработать гибкую экономическую политику государства, отвечающую стадиям экономического цикла. В условиях кризиса ее целевыми ориентирами должны стать стимулирование внутреннего потребительского и инвестиционного спроса, сдерживание оттока капитала, аккумуляция ресурсов для технико-технологической и институциональной модернизации отечественной экономики. Разработка и реализация такой экономической политики государства возможны на основе внедрения индикативного планирования. Цикличность рыночной экономики пред-

полагает неизбежный переход экономики к повышательной тенденции, что сопряжено с развертыванием новой инновационной волны. Этот процесс инициируется разрешением внутренних противоречий рыночной экономики, однако в современных условиях государство должно определенным образом регулировать этот процесс, учитывая сложность рыночного механизма.

В этом смысле индикативное планирование является перспективным инструментом государственной экономической политики. Преимущества такого планирования по сравнению с директивным заключаются в том, что индикативные планы не препятствуют реализации основных экономических законов рыночного хозяйства, но при этом позволяют государству опосредованно влиять на экономическую конъюнктуру; кроме того, индикативное планирование способствует восстановлению института доверия в обществе, поскольку базируется на достижении консенсуса между институтом государства, бизнесом, научными учреждениями, общественными организациями и на создании механизма их регулярного взаимодействия. Индикативные планы должны ориентировать бизнес на модернизацию и развитие тех отраслей отечественной экономики, которые будут востребованы новым технологическим укладом.

Список использованной литературы

1. *Гец В.М., Гриценко А.А.* Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным) // Экономика Украины. — 2013. — № 6. — С. 4–19.
2. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Избранные труды. — М. : Экономика, 2002. — 767 с.
3. *Пантин В.И.* Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы. — Дубна : Феникс+, 2009. — 432 с.
4. *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена ; [отв. ред. С.Ю. Малков]. — М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012. — 336 с.
5. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания ; [пер. с англ. Ф.В. Маевского]. — М. : Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2011. — 232 с.
6. *Кругман П.* Почему просчитались экономисты? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.idea-magazine.com.ua/archive/11343/prognose/11359.html>.
7. *Кругман П.* Выход из кризиса есть! ; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. — М. : Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013. — 320 с.
8. *Королев И.С.* Неопределенность мирового экономического развития: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 4. — С. 3–10.
9. *Согрин В.В.* Экономический кризис 1929–1933 гг. в США и современность // Вестник МГИМО. — 2009. — № 3–4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://vestnik-old.mgimo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=83.
10. *Петрикова Е.М.* Платежный баланс и антикризисная политика стран "БРИКС" [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.viperson.ru/data/201110/jjkljtjcjujebje.pdf>.
11. *Суэтин А.* О причинах современного финансового кризиса // Вопросы экономики. — 2009. — № 1. — С. 40–51.

12. Полтерович В.М. Механизм глобального экономического кризиса и проблемы технологической модернизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.econorus.org/sub.phtml?id=21>.
13. Миркин Я.М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. – М. : GELEOS Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2011. – 480 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 24. – С. 67.
15. Хейфец Б. Глобальные дисбалансы и реформа мировой валютно-финансовой системы // Деньги и кредит. – 2012. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.inecon.org/docs/Kheifets_Dengi_Kredit_2012.pdf.
16. Ковалев М., Пасеко С. Мировой кризис и механизмы защиты от внешних влияний на финансовую стабильность страны // Вестник ассоциации белорусских банков. – 2013. – № 23–24. – С. 9–29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://economy.bsu.by/wp-content/uploads/2014/03/549313.pdf>.
17. Розмаинский И. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX – начала XXI века // Вопросы экономики. – 2008. – № 7. – С. 89–99.
18. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.docme.ru/doc/7154/soros-dzh.---krizis-mirovogo-kapitalizma>.
19. Хесин Е. Анатомия мирового кризиса // Международные процессы. – 2013. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/twenty/002.htm#6>.
23. Интрилигейтор М. Шокирующий провал “шоковой терапии” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.r-reforms.ru/intr.htm>.

References

1. Heets V.M., Gritsenko A.A. *Vykhod iz krizisa (Razmyshleniya nad actual'nyim v svyazi s prochitannym)* [The way out from a crisis (Reflections about actual things after the reading)]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2013, No. 6, pp. 4–19 [in Russian].
2. Kondrat'ev N.D. *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya, v: Izbrannye Trudy* [Large cycles of conjuncture and the theory of forecasting, in: Selected Works]. Moscow, Ekonomika, 2002 [in Russian].
3. Pantin V.I. *Mirovye Tsikly i Perspektivy Rossii v Pervoi Polovine XXI Veka: Osnovnye Vyzovy i Vozmozhnye Otvety* [World Cycles and Perspectives of Russia in the First Half of the XXI-st Century: Basic Challenges and Possible Answers]. Dubna, Feniks+, 2009 [in Russian].
4. Grinin L.E., Korotaev A.V. *Global'nyi Krizis v Retrospektive. Kratkaya Istoriya Pod'emov i Krizisov: ot Likurga do Alana Grinspena, otv. red. S.Yu. Malkov* [The Global Crisis in Retrospection. Short History of Booms and Crises: from Lykourgos to Alan Greenspan], edited by S.Yu. Malkov. Moscow, LIBROKOM, 2012 [in Russian].
5. Perez C. *Tekhnologicheskie Revolyutsii i Finansovyi Kapital. Dinamika Puzyrei i Periodov Prosvetaniya* [Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages]. Moscow, Delo, 2011 [in Russian].
6. Krugman P. *Pochemu proshchitalis' ekonomisty?* [Why economics failed?], available at: <http://www.idea-magazine.com.ua/archive/11343/prognose/11359.html> [in Russian].
7. Krugman P. *Vykhod iz Krizisa Est'!* [End This Depression Now!]. Moscow, Azbuka Biznes, Azbuka-Attikus, 2013 [in Russian].

8. Korolev I.S. *Neopredelennost' mirovogo ekonomicheskogo razvitiya: riski dlya Rossii* [Uncertainty of the world economic development: risks for Russia]. *Mirovaya Ekon. i Mezhdunar. Otnosh. – World Econ. and Internat. Rel.*, 2013, No. 4, pp. 3–10 [in Russian].
9. Sogrin V.V. *Ekonomicheskii krizis 1929–1933 gg. v SShA i sovremennost'* [The economic crisis in 1929–1933 in the USA and the contemporaneity]. *Vestnik MGIMO – Bull. MSIIR*, 2009, No. 3–4, available at: http://vestnik-old.mgimo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=83 [in Russian].
10. Petrikova E.M. *Platěžnyi balans i antikrizisnaya politika stran "BRIKS"* [The balance of payments and the anticrisis policy of countries "BRIKS"], available at: <http://www.viperson.ru/data/201110/jjkljtjcujebj.pdf> [in Russian].
11. Suetin A. *O prichinakh sovremennogo finansovogo krizisa* [On the causes for the modern financial crisis]. *Voprosy Ekonomiki – Questions of Economy*, 2009, No. 1, pp. 40–51 [in Russian].
12. Polterovich V.M. *Mekhanizm global'nogo ekonomicheskogo krizisa i problemy tekhnologicheskoi modernizatsii* [The mechanism of the global economic crisis and problems of the technological modernization], available at: <http://www.econorus.org/sub.phtml?id=21> [in Russian].
13. Mirkin Ya.M. *Finansovoe budushchee Rossii: ekstremumy, bumy, sistemnye riski* [Russia's Financial Future: Extrema, Booms, and System Risks]. Moscow, GELEOS, 2011 [in Russian].
14. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works], Vol. 24, p. 67 [in Russian].
15. Kheifets B. *Global'nye disbalansy i reforma mirovoi valyutno-finansovoi sistemy* [Global disbalances and the reform of the world currency-financial system]. *Den'gi i Kredit – Money and Credit*, 2012, No. 7, available at: http://www.inecon.org/docs/Kheifets_Dengi_Kredit_2012.pdf [in Russian].
16. Kovalev M., Paseko S. *Mirovoi krizis i mekhanizmy zashchity ot vneshnikh vliyaniy na finansovuyu stabil'nost' strany* [The world crisis and mechanisms of protection against external influences on country's financial stability]. *Vestnik Assots. Beloruss. Bankov – Bull. of Assoc. of Belarus. Banks*, 2013, No. 23–24, pp. 9–29, available at: <http://economy.bsu.by/wp-content/uploads/2014/03/549313.pdf> [in Russian].
17. Rozmainskii I. *O metodologicheskikh osnovaniyakh meinstrima i geterodoksii v ekonomicheskoi teorii kontsa XIX – nachala XXI veka* [On the methodological foundations of the mainstream and the heterodoxy in the economic theory of the end of the XIX-th century – the onset of the XXI-st century]. *Voprosy Ekonomiki – Questions of Economy*, 2008, No. 7, pp. 89–99 [in Russian].
18. Soros G. *Krizis Mirovogo Kapitalizma* [The Crisis of Global Capitalism], available at: <http://www.docme.ru/doc/7154/soros-dzh.---krizis-mirovogo-kapitalizma> [in Russian].
19. Khesin E. *Anatomiya mirovogo krizisa* [Anatomy of the world crisis]. *Mezhdunar. Protssesy – Internat. Processes*, 2013, No. 1, available at: <http://www.intertrends.ru/twenty/002.htm#6> [in Russian].
20. Intriligator M. *Shokiruyushchii Proval "Shokovoi Terapii"* [The Shocking Failure of Shock Therapy], available at: <http://www.r-reforms.ru/intr.htm> [in Russian].

Статья поступила в редакцию 27 июня 2014 г.